

Некоторые энтомологические образы в португальской поэзии: традиция и новаторство

М. В. Кутьева¹, В. А. Махортова²

¹Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹marku2006@yandex.ru,

²varvara2504@mail.ru

Аннотация. На материале творчества ведущих португальских поэтов XVII–XX веков в статье проанализированы метафорические значения лексем: *mosca* / муха, *mosquito* / комар, *grilo* / сверчок, *caruncho* / жук, *piolho* / вошь, *pirilampo* / светлячок, *louvadeus* / богомол, *aranha* / паук. Выявлен богатый семантико-ассоциативный потенциал энтомонимов в семантическом поле сущностных характеристик человека и некоторых абстракций (обыденность, поэзия, судьба). Используются методы герменевтического, контекстуального анализа и элементы лингвокультурологического описания.

Ключевые слова: португальская поэзия, энтомоним, традиция, новаторство, метафора, символика

Для цитирования: Кутьева М. В., Махортова В. А. Некоторые энтомологические образы в португальской поэзии: традиция и новаторство // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 66–74.

Original article

Entomological Images in Portuguese Poetry: Tradition and Innovation

Marina V. Kuttyeva¹, Varvara A. Makhortova²

¹Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹marku2006@yandex.ru,

²varvara2504@mail.ru

Abstract. Based on the material of poems by leading Portuguese poets (XVII–XX centuries), the paper examines the following lexemes' metaphorical meanings: *mosca* / fly, *mosquito* / mosquito, *grilo* / cricket, *caruncho* / beetle, *piolho* / louse, *pirilampo* / firefly, *louvadeus* / mantis, *aranha* / spider. The ethnonyms' rich semantic-associative potential referring to human essential qualities and some abstractions (routine, poetry, fate) is revealed. The methods of hermeneutical, contextual analysis and elements of linguistic and cultural description have been applied.

Keywords: Portuguese poetry, entomonym, tradition, innovation, metaphor, symbolism

For citation: Kuttyeva, M. V., Makhortova, V. A. (2024). Entomological images in Portuguese poetry: tradition and innovation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 66–74.

ВВЕДЕНИЕ

Класс насекомых поражает многочисленностью и разнообразием. По разным оценкам в мире насчитывается от 5 до 10 миллионов видов насекомых¹. Из них около 30 тысяч обитают в Португалии². Опыт наблюдения за насекомыми в повседневной жизни находит отражение во всех языках, в том числе в португальском. Так, например, если португалец подозревает неладное, он говорит: *Estou com a pulga atrás da orelha* / У меня блоха за ухом³. Оказавшись в трудном положении и не находя решения, жалуется: *Ando às aranhas* (букв. 'хожу как пауки', т. е. в сетях, в переплетении тонких, ненадежных нитей). Лексема *aranhiço* (паучок) указывает на слабого человека. Того, кто сбит с толку, назовут *barata tonta* / таракан, у которого кружится голова (глупый таракан). К заброшенному и никому не нужному индивидууму или делу применим оборот *entregue às baratas* / отданный (сдавшийся) тараканам. О пассивной, апатичной личности или о коварном притворщике, безобидном с виду, но замышляющем недоброе, скажут, что он – *mosca-morta* (букв. 'мертвая муха').

Энтомологических образов немало и в народном творчестве. Португальским детям хорошо знакома сказка об изобретательном бедняке «João Grilo» (о Жоау Сверчке) [Neto, 2013; Brun, 2008], а также песенка о нем (*Grilo grilhinho, sai do burquinho!* / Сверчок-сверчок, покажись из норки!) и стишок о божьей коровке Жуанинье. По-португальски *joaninha* – и божья коровка, и (при написании с заглавной буквы) уменьшительно-ласкательная форма женского имени Жуана. Этот стишок существует во множестве вариантов и похож на русский:

Божья коровка,
Полети на небо,
Принеси нам хлеба,
Черного и белого,
Только не горелого!

Энтонимы в функции когнитивной проекции на человека «обладают национальной спецификой, отражают менталитет народа и его глубинное понимание связей и отношений» [Белевцова, 2019, с. 32], развивая «этноспецифические переносные значения» [Дзюба, 2015, с. 24].

¹Super interessante. 04.07.2018. URL: <https://super.abril.com.br/mundo-estranho/quantas-especies-de-insetos-existem-no-mundo>

²Diário de notícias. 09.03.2019. URL: <https://www.dn.pt/vida-e-futuro/biodiversidade-portugal-faz-primeira-lista-vermelha-dos-invertebrados--10659515.html>

³Примеры приведены по: Dicionário Priberam da Língua Portuguesa. URL: <https://dicionario.priberam.org/>

С. Стефанова сравнивает поведение насекомых со стратегиями колонизаторов, выделяя объединяющие их основания: вторжение, паразитизм и обязательность болезненных метаморфоз [Stefanova, 2022].

В. Мусси отмечает, что энтонимы «специализируются» в основном на негативных свойствах и эмоциях людей: «назойливость, докучливость, мелочность, ничтожность, раздражительность, злоба, легкомыслие, паразитизм, обжорство, жадность» [Мусси, 2021, с. 51].

Мы предполагаем, что поэзия не приемлет однозначно отрицательной трактовки энтонимов и наделяет их аксиологической амбивалентностью.

В поэтическом контексте, где сочетаются традиция, авторская креативность и новаторство, образы насекомых получают наиболее насыщенную и многомерную реализацию. Цель нашей работы – продемонстрировать особенности энтомологических образов, представленных в португальской поэзии XVII–XX веков, выявить их функциональную специфику в поэтическом пространстве португальской лингвокультуры. Материалом служат избранные стихотворения крупнейших поэтов Португалии.

ПОРТУГАЛЬСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ИНСЕКТАРИЙ

Большинство насекомых воспринимаются человеком с досадой. Эти докучливые существа снижали себе славу злостных вредителей растений и виновников распространения опасных заболеваний. «Эх, лето красное! Любил бы я тебя, когда б не пыль да зной, не комары да мухи!» – сетовал А. С. Пушкин. Комары да мухи не остались без внимания и в португальской поэзии. Несмотря на назойливость, они и подобные им разносчики заразы, как ни странно, становятся объектом поэтического осмысления. В частности, еще в XVII веке религиозный деятель, историк и поэт Жасинту Фрейре де Андраде (1597–1657), обладавший изрядным чувством юмора, посвятил одну из поэм комару: укус его он уподобил ране от стрелы Купидона. Поэма написана в стиле восхвалений (elogios) [Carvalho, 2007] и вторит античному автору Лукиану Самосатскому, написавшему на древнегреческом языке парадоксальный энкомий «Похвала мухам», где он вспоминает сравнение Гомера: «доблесть» (!) героя – сродни дерзновенности мухи, бесстрашно атакующей более сильных противников». Вот и комара ироничный монах-стихотворец Фрейре де Андраде назвал непобедимым – *invencível*, отметив среди его достоинств способность *passar a mais ferir, sem ser*

*sentido*¹ – *пробраться и ранить неощутимо*². Пусть и с ухмылкой, поэт всё же восхищается столь крохотным и ловким творением Бога:

...de suprema ideia,
Sutil debuxo, amostra primorosa! [там же] –

...высшей идеи
Утонченное воплощение, изысканный образец!

Комар обладает энергетической мощью: ведь людей, таких огромных и сильных, полностью выводит из себя его тщедушный писк:

Para desinquietar
Vosso rigor severo, e infinito
Basta só o somido de um mosquito –

Чтобы нарушить ваше величие,
Строгое и бесконечное,
Достаточно и писка комара.

Впрочем, в португальской поэзии XVII–XVIII столетий подобные примеры, по нашим наблюдениям, довольно редки. Их частотность возрастает в XIX веке, когда образы насекомых, приносящих вред или докучающих человеку, встраиваются в контексты реалистических или натуралистических описаний. У Сезариу Верде, уделявшего огромное внимание зрительной составляющей (визуализации) [Salgado, 2012], это неприглядные детали провинциальной жизни, указывающие на социальное неравенство:

Provincianas

Ao meio dia na cama,
Branca fidalga o que julga
Das pequenas da suama?!
Vivem minadas da pulga,
Negras do tempo e da lama³. –

Провинциалки

В полдень, лежа в постели,
Что думает беленькая дворянка
О дочерях кормилицы?!
Живут, искусанные блохами,
Черны от времени и грязи.

У Гонсалвиша Крешпу (1846–1883), который родился в Бразилии, но с 14 лет жил в Португалии,

мы находим изображение южноамериканской фазенды:

Na aldeia

Duas horas da tarde. Um sol ardente
Nos colmos dardejando, e nos eirados.
<...>
Zumbem à porta insectos variegados,
Envolvidos do sol na luz trememente⁴. –

В поселке

Два пополудни. Жжет неимоверно
Тяжелая и душная жара.
<...>
Жужжит в дверном проеме мошкара –
В подобный час всему живому скверно⁵.

С грязью и нищетой традиционно связана муха. Поэт-неореалист начала XX века Алвару Фейжо [Henriques, 2010], создавая портрет деревенского мальчика в элегии «Claro – escuro» / «Светлое – темное», подчеркивает его неопрятность и тяжесть крестьянского труда:

O menino amoldava a sujice dos bois e a terra do caminho.
Moscas verdes rodeavam as mãos carnudas e papudas do menino [цит. по: Henriques, 2010, с. 127]. –

Мальчик смешивал навоз и придорожную глину.
Зеленые мухи вились над его мясистыми распухшими руками.

Зеленые мухи максимально обостряют гнетущее впечатление от этой антипасторали.

Именно в XX веке образы вредных насекомых обогащаются новыми смыслами. Так, вездесущая муха играет главную роль в шутильном стихотворении А. О'Нейла «Duas Moscas ou a Mesma?» – «Две мухи или одна и та же?»

Duas Moscas ou a Mesma?

– Onde já vi esta mosca?
– Mas em toda a parte, filha, desde o bolo de noivado à minha tépida v'rilha!
2
Eis a mosca popular
aferroada aos miúdos,
avioneta escolar
para fugir aos estudos!⁶ –

¹Escritas. URL: <https://www.escritas.org/pt/t/>

²Здесь и далее подстрочный перевод наш. – М. К., В. М., если не указано иначе.

³Верде С. Поэзия / Poesia. Лиссабон: Эл Эдисойш, 2022. С. 267.

⁴Citador. Citações e frases. URL: <https://www.citador.pt/>

⁵Перевод Е. Витковского. В кн.: Лузитанская лира: стихи. М.: Художественная литература, 1986.

⁶Alexandre O'Neill. URL: <https://alexandreoneill.bnportugal.gov.pt/duas-moscas-ou-a-mesma/>

Две мухи или это одна и та же?

- Где я видала эту муху?
- Повсюду, дочка, от свадебного торта до места, что под брюхом!

2

Вот она – народная муха
Привязанная к детям,
Это школьный самолетик,
чтоб сбежать с уроков!

Помимо интерпретации мухи как неотъемлемой и неприятной части быта, в другом стихотворении О'Нейл называет ее женским именем и придает ей антропоморфные черты, опираясь на символику этого одиозного насекомого как знака зла и морального разложения [Тресиддер, 1999], а в древних культурах – опасности и даже смерти¹.

«Albertina» ou «O Insecto-Insulto»

ou «O Quotidiano Recebido como Mosca»

– Albertina!, deixa-me em paz, consente
Que eu falhe neste papel tão branco e insolente
Onde belo e ausente um verso eu sei que está!
– Albertina!, eu quero um verso que não há!...
Conjugal, provocante, moreno e azulado,
O insecto levanta, revolteia, desce
E, em lugar do verso que não aparece,
No papel se demora como um insulto alado.
E o poeta sai de chofre, por uns tempos desalmado². –

«Альбертина», или «Плевков-насекомое», или «Повседневность, представшая в образе мухи»

Ах, Альбертина, оставь меня в покое!
И так томлюсь я нерожденною строкою.
Я, Альбертина, музою задет
И лишь стихов хочу, стихов, которых нет.
Но муха жирная – вся похоть и каприз –
его ревнует к чистоте невинных строчек.
И вот, взметнувшись, над бумагою повис
и на нее упал крылатенький плевочек.
Поэт вскипел, поэт вздохнул и скис³.

В оппозиции к порочности мухи Альбертины предстает образ музы, окруженный ореолом чистоты.

Зооморфную метафорическую проекцию «человек – носитель отрицательных качеств – это вредное насекомое», актуализированную О'Нейлом, использует и Жозе Сарамаго (1922–2010). В стихотворении «Inquiridores» / «Соглядатаи»

он уподобляет людей, вмешивающихся в чужую жизнь, ненасытным вшам:

Está o mundo coberto de piolhos:
Não há palmo de terra onde não suguem,
Não há segredo de alma que não espreitem
Nem sonho que não mordam e pervertam.

<...>

E todos se encarniçam, comem todos,
Concertados, vorazes, no seu tento
De deixar, como restos de banquete,
No deserto da terra ossos esburgados⁴. –

Повсюду вши, земля покрыта ими,
нигде от их укусов не укрыться,
они любую тайну уследят,
от их зубов нет спасу и во сне.

<...>

Но все они похожи в своей злобе,
в своей прожорливости неумной, –
так после пира пышного лишь кости
обглоданные усыпают двор⁵.

Метафора Сарамаго – основа всего стихотворения – в русском переводе обогащается: заключительные строки соотносятся с оборотом «перемывать кости». Это усиливает негативную окраску образа, созданного поэтом и мастерски переданного переводчиком. Кроме того, объективно слабые и ничтожные вошки в поэтической строфе парадоксально преображаются и обретают не свойственные им силу и власть над людьми.

В иной контекст Сарамаго вписывает образ жука-точильщика:

O ciclo

Abre o caruncho a rede, o labirinto
De escuras galerías que enfraquecem
A rijeza do cerne resinoso.
Toda a madeira passa nas mandíbulas
Dos insectos roazes, se converte
Em dejectos de pó, remastigados.
Tronco vivo que foi, agora morto,
Tornará o barrote à insondável
Matriz de que outra árvore se alimenta⁶.

Цикл

Жуки-точильщики, проникнув под кору,
Прокладывают длинные ходы,
Сплетенные, как будто лабиринт.
И мерные движения их жвал
Дробят, крушат и рушат древесину,

¹URL: <https://www.supersummary.com/the-fly-shapiro/symbols-and-motifs/>

²Escritas. URL: <https://www.escritas.org/pt/t/>

³Пер. М. Самаева в кн.: Современная португальская поэзия. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 202–203.

⁴Saramago J. Poesia completa. Lisboa: Assírio & Alvim, 2022. P. 76.

⁵Перевод П. Грушко в: Иностранная литература. 2015. № 7. С. 124.

⁶Saramago J. Poesia completa. Lisboa: Assírio & Alvim, 2022. P. 52.

Всё, что останется, – труха.
И ствол, когда-то к небу устремленный,
Истлеет, став землей, но из нее
Проклюнутся зеленые ростки¹.

Разрушенная жуками-вредителями древесина становится питательной средой для пробивающих из земли ростков, символизирующих возрождение. Избегая оценочности, мудрый поэт рассматривает разрушение и созидание, жизнь и смерть как диалектически дополняющие друг друга стороны бытия.

В необычной роли выступает и сверчок, попав в контекст стихотворения Наталия Коррейи (1923–1993), посвященного поэтическому искусству:

О роема

O poema não é o canto
que do grilo para a rosa cresce.
O poema é o grilo é a rosa
e é aquilo que cresce². –

Стихотворение

Стихотворение – это не песнь,
что от сверчка навстречу розе вырастает,
Стихотворение – это сверчок, это роза,
и это то, что прорастает.

Иными словами, поэзия – это не только и не столько красота созвучий, но целый мир, подвижный и переменчивый, отраженный и преображенный творческим сознанием поэта.

Изысканством сверчка шутивно восхищается Алешандре О'Нейл:

Tem muito estilo o grilo! <...> Quanto quilo de alfase <...> não comeu já o grilo para ter tanto estilo!³ –
И какой же стильный этот сверчок! Сколько же зеленого салата съел сверчок, чтобы обрести свой неповторимый стиль!

Не менее оригинально и обращение поэтессы и переводчицы Фиамы Ассе Пайш Брандан (1938–2007) к редкому в поэзии образу богомола.

Natureza morta com louvadeus

...As asas magníficas haviam-lhe sido quebradas
por algum vento. Perdera o rumo
sobre a película cintilante de água
no riacho parado. Tal como poisou
junto de nós, com o belo corpo magro

arquejante, lembrava, ainda segundo o seu nome,
um santo mártir. Enquanto meditávamos, a morte
sobrevio

<...>

...Alguém pegou
no volúvel alado corpo morto
abandonado sem nexo na brancura da toalha – que
maculava – e o atirou para qualquer arbusto raro
que o poeta ainda pôde fotografar⁴. –

Натюрморт с богомолем

...Изысканные крылышки ему сломало ветром.
Сбил он с дороги над радужною плёнкою воды
стоячего ручья. Сел рядом с нами бедняга –
и, созвучно своему названию, святого страстотерпца
напоминал.

Пока мы размышляли, он умер

<...>

...Кто-то взял за крылышки распластанное тельце,
что на крахмальной скатерти лежало
и пачкало ее – и зашвырнул
В какой-то куст невиданный, который
поэт сфотографировать успел⁵.

Пайш Брандан делает акцент на этимологии слова *louvadeus*. Аналогично русскому энтомониму *богомол*, оно складывается из двух основ: *louva* (от *louvar* – *славить, восхвалять*) и *deus* – *бог*⁶. Благодаря этому возникает образ праведника, который гибнет в несовершенном мире. Смерть его не вызывает сочувствия ни у кого, кроме поэта. Так Пайш Брандан подчеркивает жестокость действительности. И всё же в жизни остается место красоте и чуду. Об этом поэтесса напоминает читателям в стихотворении «Na noite» / «Ночью». Сияние множества светлячков в ночи зачаровывает лирическую героиню. Даже став взрослой, в нем она видит нечто волшебное.

Neste jardim que rodeia, como esfera, a casa;
no lugar negro que envolve o interior do espaço,
eu hoje posso comparar os pirilampos difusos
aos novos planetas de mil galáxias novas.
No entanto, outrora quando eu era a criança
que saía, na noite, para ver as formas negras
etre ruídos e os pequenos luzeiros,
aqui e além acesos e logo apagados,
eu já pensava no astros, ao persegui-los⁷. –

⁴URL: <https://www.lusofoniapoetica.com/portugal/fiama-pais-brandao/natureza-morta-com-louvadeus>

⁵Оригинал и перевод А. Родосского приведены по книге: Современная португальская поэзия. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 168–169.

⁶Dicionário Priberam. URL: <https://dicionario.priberam.org/>

⁷Современная португальская поэзия. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 170.

¹Пер. В. Махортовой. В кн.: Иностранная литература. 2023. №1. С. 236.

²Citador. Citações e frases. URL: <https://www.citador.pt/>

³<https://alexandreoneill.bnportugal.gov.pt/o-grilo/>

В этом саду, который, словно сфера, окружает дом,
в темноте,
вмещающей в себя нутро пространства,
сегодня я могу сравнить мерцающих светлячков
с новыми планетами тысячи новых галактик.
Однако в прежние времена, когда я была ребенком
и ночью выходила из дома, чтобы увидеть черные
контуры предметов
среди шорохов и маленьких огоньков,
тут и там заживавшихся и гаснувших,
я уже думала о звездах и стремилась к ним.

С размышлениями о жизненном пути и перипетиях судьбы связан и образ паука. Хотя паук не принадлежит к классу насекомых, он примыкает к ним как в обыденной, так и в поэтической картине мира. Его символика отличается древностью и парадоксальностью, по-разному преломляясь в португальской поэзии.

Паук – энтомологическая диковинка. Поразительно, что из своего тела он вытягивает нить, сплетает прочное кружево, спасающее мир от полчищ вышеупомянутых мух и комаров, а также вырабатывает парализующий их яд. Этим объясняется противоречивость паучьей символики, указывающей и на коварство, и на удачу [Тресиддер, 1999].

В европейской литературе паук обычно выступал символом жестокости и предательства [Amaral, Martelo, 2006]. Однако в XX веке сети паука привлекли внимание поэта-философа Ф. Пессоа, который дает им абстрактную, эсхатологическую трактовку.

A aranha do meu destino

Faz teias de eu não pensar.
Não soube o que era em menino,
Sou adulto sem o achar.
É que a teia, de espalhada
Apanhou-me o querer ir...
Sou uma vida baloiçada
Na consciência de existir
A aranha da minha sorte
Faz teia de muro a muro...
Sou presa do meu suporte¹.

Паук моей судьбы

Плетёт сети, о нём я не подозревал,
Ребёнком я судьбы своей не знал,
И взрослый, не нашел её.
Разрослась паутина,
Стянула намертво желание идти...
Я – это жизнь, подвешенная в нитях
Осознания: я есть.
Паук моей удачи
Плетет сети от стены к стене...

Я пленник опоры своей.

У Пессоа паук – знак, как видим, двойственный. Но двойственность его отличается оригинальностью. С одной стороны, прочные сети паука создают чувство защищенности, но с другой – они сковывают свободу воли, а возможно, и самовыражения. Напрашивается параллель с людьми, которые, борясь за удобства, становятся их рабами, легко манипулируемыми куклами. С этой точки зрения вся цивилизация – своеобразная паутина: она комфортна, но может восприниматься как оковы.

В стихотворении Карлуша Кейроша (1907–1949) – литератора, близко знакомого с Фернанду Пессоа, – нити паука простираются сквозь время, связывая прошлое, настоящее и будущее. С самим пауком, зависшим над землей, поэт сравнивает свои мысли.

Aranha

À sombra dum cedro imenso
Eis-me a sentir e a pensar;
Mas o que sinto não penso
E o que penso está suspenso
Como uma aranha no ar
No ar balouça, fremente,
Num débil fio invisível
Dessa teia intermitente
Que liga o passado ingente
Ao presente irreversível². –

Паук

В тени огромного кедра
Я полон ощущений и мыслей;
Но о том, что ощущаю, я не думаю,
А то, что думаю, подвешено,
Как в воздухе паук.
В воздухе он качается, дрожит,
На слабой невидимой нити
Прерывистой паутины,
Которая соединяет огромное прошлое
С необратимым настоящим.

Медитативной тональностью эти строфы перекликаются с творчеством Пессоа. Это стихотворение представляет собой погружение в глубины размышлений: то, что думаю, подвешено на тонкой нити, как паук. Она невидима, но всё же связывает прошлое и настоящее. Паук ассоциируется со всеобщей сопряженностью явлений и событий, навеянная мысли о перетекании прошлых эпох в день сегодняшний и завтрашний. О тонкости этих связей в поэме «Solidão» / «Одиночество» писал поэт-романтик XIX века Алмейда Гаррет (1799–1854):

¹Arquivo Pessoa. URL: <http://arquivopessoa.net>

²Escritas URL: <https://www.escritas.org/pt/t/>

Eu vivo no futuro por uma esperança mais tênue que o fio da aranha; existo no passado porque ainda se me não foi o amargor dos tragos que bebi. O presente está no meio, como o ponto no centro do círculo; mas a sua existência é quimera¹. – Я живу в будущем надеждой тоньше паутинной нити; существую в прошлом, потому что горечь испитого мною не ушла; настоящее находится посередине, как точка в центре круга; но его существование — химера.

В этих строках слышится отголосок столь характерного для португальской культуры чувства *saudades*, которое объединяет в себе печаль о прошлом и надежду на счастливое будущее. Надежда эта хрупка и подобна почти неразличимому волосу паутины. Паук, таким образом, – ткач, сплетающий и время, и судьбу.

На глубокие размышления наталкивает паук и Казимиру де Бриту (р.1938). В его лаконичном стихотворении мотив искусства, сопровождающий образ паука со времен мифа об Арахне (а ведь от ее имени и произошло португальское слово *aranha* / *паук*), восходит к восточной философии.

Na via do mestre. Uma viagem com Lao Zi

Flexíveis são as aranhas
Que tecem a partitura
Do enigma inicial. Arte
Antiquíssima – tal a do vento
Esculpindo a pedra; arte efêmera
Como os terraços da espuma;
Tão próximos do nada².

По пути учителя. Путешествие с Лао Дзы

Гибок паук,
Что плетет партитуру
Изначальной загадки. Искусство
Древнейшее – как игра ветра,
Что камень точит, искусство хрупкое,
Как пена волн,
Столь близкая к небытию.

Паук предстает как творец, воплощение все-ленского замысла, воспроизводящий геометрию универсума, создающий свою нить из пустоты. Это и жрец искусства – высшей творческой энергии,

¹Citador. Citações e frases. URL: <https://www.citador.pt/>

²Современная португальская поэзия. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 148.

проявляющейся повсюду в природе и в жизни. С пауком-ткачем можно сравнить и поэта, порождающего *текст* (*texto* / *текст*, *textile* / *текстиль* и *tecer* / *ткать* – слова однокоренные) – словесную *ткань*, ассоциативную *сеть*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели избранные произведения португальской поэзии, в которых существенную роль играют образы следующих насекомых: комара, мухи, сверчка, богомола, светлячка, жука и – условно причисляемого нами к насекомым – паука. Их авторская трактовка в пространстве лирической строфы опирается на мировые традиции, но зачастую подает их в неожиданном ракурсе, наделяя этих объективно назойливых и малопривлекательных существ оригинальными и положительными коннотациями.

Анализ материала позволяет констатировать: метафорика лексем, номинирующих насекомых, носит антропоморфный характер: в поэтическом дискурсе энтонимы становятся носителями черт, присущих человеку. Вот некоторые выявленные нами параллели:

- богомол – мученик; мученичество
- комар – проныра; шпионаж
- муха – приземленная и порочная женщина; обыденность
- жук-точильщик – разрушитель; разрушение
- паук – создатель, творец; творчество.

Примечательно, что эти ассоциативные соответствия взяты из наблюдений не над внешним видом насекомых, а над их поведением. Некоторые из энтонимов сразу ведут себя в лирике португальских поэтов как аллегория абстрактных смыслов: сверчок – поэзии, а светлячок – волшебства. Многие из этих переносных значений являются новаторскими, авторскими и, на данный момент – окказиональными. Возможно, именно они будут способствовать консолидации концептуального своеобразия португальской поэзии и трансформации языковой картины мира.

За рамками данной статьи оказались такие яркие энтомологические образы, как муравей и стрекоза (цикада), бабочка и пчела. Им мы посвятим отдельные исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Neto J. E. Do N. João Grilo: pícaro do Nordeste, justiceiro do Sertão // Nau Literária. 2013. No 9(2). doi.org/10.22456/1981-4526.43373.

2. Brun A. A. João Grilo, o desmilingüido: a esperança no imaginário do oprimido // *Travessias*, Cascavel. 2008. V. 2. No 1. P. e2876. URL: <https://e-revista.unioeste.br/index.php/travessias/article/view/2876>.
3. Белевцова Т. Б. Энтомологическая метафора как средство концептуализации внутреннего мира человека // *Филология и культура [Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета]*. 2019. №3 (57). С. 32–37.
4. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015.
5. Stefanova S. The Insect Metaphor: Intrusion, Parasitism, and Transformation in Namwali Serpell's *The Old Drift*. *Research in African Literatures*. 2022. V. 53. No 3. P. 65–81. doi.org/10.2979/ral.2022.a900034.
6. Мусси В. Русские и итальянские энтомологические метафоры в сопоставлении с зооморфными: отличительные черты // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 419. С.45–53.
7. Carvalho M. S. F. de. *De Poesia de Agudeza em Portugal*. São Paulo: Humanitas Editorial, 2007.
8. Salgado M. R. T. S. Entre o olhar e o dizer: palavra e imagem nas obras de Mario Cesariny e Alexandre O'Neill // *Abril – NEPA / UFF*. 2012. No 5(9). P. 110–130. doi.org/10.22409/abriluff.v5i9.29705. (In Portuguese).
9. Henriques J. L. *A poesia no neo-realismo português. Primeiras manifestações e “Novo Cancioneiro”*. Tese de Doutoramento em Estudos de Literatura e de Cultura. Lisboa. 2010.
10. Тресиддер Д. *Словарь символов*. М.: Гранд: ФАИР-Пресс, 1999.
11. Amaral A. L., Martelo R. M. Aranhas e musas: representações de poeta, subjectividades e identidades na poesia // *Cadernos de Literatura Comparada*. 2006. Vol. 2. No 14/15. P. 31–63.

REFERENCES

1. Neto, J. E. Do N. (2013). João Grilo: pícaro do Nordeste, justiceiro do Sertão. *Nau Literária*, 9 (2). doi.org/10.22456/1981-4526.43373. <https://seer.ufrgs.br/index.php/NauLiteraria/article/view/43373>.
2. Brun, A. A. (2008). João Grilo, o desmilingüido: a esperança no imaginário do oprimido = João Grilo, the weakened: the hope in the imaginary of the oppressed. *Travessias*, Cascavel, 2(1), e2876. <https://e-revista.unioeste.br/index.php/travessias/article/view/2876>.
3. Belevtsova, T. B. (2019). Entomological metaphors as a means of conceptualization of the human internal world. *Philology and Culture [The Bulletin of Tatar State Humanitarian Pedagogical University]*, 3(57), 32–37. (In Russ.).
4. Dzyuba, E. V. (2015). *Lingvokognitivnaya kategorizaciya v russkom yazykovom soznanii* = Linguocognitive categorization in Russian language consciousness. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
5. Stefanova, S. (2022). The Insect Metaphor: Intrusion, Parasitism, and Transformation in Namwali Serpell's *The Old Drift*. *Research in African Literatures*, 53(3), 65–81. doi.org/10.2979/ral.2022.a900034.
6. Mussi, V. (2017). Russian and italian entomological metaphors in comparison with zoomorphic metaphors: their distinctive features. *Tomsk State University Journal*, 419, 45–53. (In Russ.)
7. Carvalho, M. S. F. de. (2007). *De Poesia de Agudeza em Portugal* = About Poetry of Acuteness in Portugal. São Paulo: Humanitas Editorial.
8. Salgado, M. R. T. S. (2012). Entre o olhar e o dizer: palavra e imagem nas obras de Mario Cesariny e Alexandre O'Neill = Between looking and saying: word and image in the works of Mario Cesariny and Alexandre O'Neill. *Abril – NEPA / UFF*, 5(9), 110–130. doi.org/10.22409/abriluff.v5i9.29705.
9. Henriques, J. L. (2010). *A poesia no neo-realismo português. Primeiras manifestações e “Novo Cancioneiro”* = Poetry in Portuguese neo-realism. First manifestations and “New Songbook”: PhD in literature and culture. Lisboa.
10. Tresidder, D. (1999). *Slovar' simvolov* = Dictionary of Symbols. Moscow: Grand: FAIR-Press. (In Russ.).
11. Amaral, A. L., Martelo, R. M. (2006). Aranhas e musas: representações de poeta, subjectividades e identidades na poesia = Spiders and muses: poet representations, subjectivities and identities in poetry. *Cadernos de Literatura Comparada*, 2(14/15), 31–63.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кутьева Марина Викторовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков № 2 Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

Махортова Варвара Александровна

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры португальского языка

переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kutyeva Marina Viktorovna

PhD (Philology)

Associate Professor of Foreign Languages Department No.2

Plekhanov Russian University of Economics

Makhortova Varvara Alexandrovna

PhD (Philology)

Senior Lecturer of the Portuguese Language Department

at Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.12.2023
29.01.2024
28.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication